

© 2010 г. Д. А. ЛЯПИН*

К ВОПРОСУ О «ГОРОДСКИХ ВОССТАНИЯХ» В РОССИИ в середине XVII века (по материалам южнорусских уездов)

Социальные конфликты – революции, бунты, восстания – всегда были предметом для дискуссий. Изучая ход событий, исследователи реконструировали их содержательную сторону: даты, место, движущие силы, материальные ресурсы, вооружение. Несомненно, это главная составляющая. Однако есть и другая сторона конфликта. Важно понять, что происходило в головах людей, как они осознавали свои действия. В данной статье городские восстания середины XVII в. рассматриваются без какой-либо заранее выбранной теории; это попытка взглянуть на события глазами современников, участников и очевидцев, самих жителей городов.

В дореволюционной историографии волнения в городах в начале правления Алексея Михайловича назывались «мятежами». Этот термин был взят из документов XVII в. Изучение событий носило описательный характер, и все сводилось к выводу о том, что мятежи были направлены против злоупотреблений «сильных людей»¹. В.О. Ключевский видел причины городских мятежей в финансовом кризисе Московского государства, который стал итогом политики властей после Смуты². В 1913 г. вышла статья П.П. Смирнова «О начале Уложения и Земского собора 1648–49 гг.». В ней автор сделал вывод об особой роли дворянства в этих событиях³. В 1917 г. в сборнике статей памяти М.К. Любавского была опубликована статья С.В. Бахрушина о мятеже 1648 г.⁴ В 1919 г. вышла отдельным изданием дипломная работа ученика С.В. Бахрушина М.Н. Тихомирова⁵. Тихомиров продолжил заниматься изучением народных движений в допетровской России. Именно его труды сформировали официальную точку зрения советской исторической науки на события 1647–1650 гг. и другие народные волнения XVII в.⁶ В 1934 г. ученый работал над специальным сборником, посвященным народным движениям на Юге России, а также в Пскове и Новгороде⁷. В дальнейшем исследования Тихомирова продолжили такие советские историки как П.П. Епифанов, В.И. Буганов, Е.В. Чистякова и др.⁸

В 1934 г. была опубликована статья Г.А. Новицкого о событиях в Курске, где автор писал о масштабном антифеодальном восстании⁹. В 1936 г. вышел сборник документов по истории волнений в России в середине XVII в.¹⁰ Итогом многолетних исследований русского города стал 2-х томный труд П.П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века»¹¹. Смирнов считал, что главной силой волнений были посадские люди и примыкавшее к ним мелкое служилое население, но свою роль сыграло и дворянство. Восстания середины XVII в., по мнению Смирнова, завершили многолетнюю борьбу горожан с крупными феодалами, благодаря чему городам удалось перейти под власть государства и избавиться от угнетения со стороны крупных вотчинников. Эти выводы подверг критике С.В. Бахрушин¹². В советской историографии народные волнения начала правления Алексея Михайловича назывались «городскими восстаниями». Все социальные потрясения XVII в. были систематизированы. Народные движения до 1649 г. выделялись в первый этап «классовой борьбы». Сюда

* Ляпин Денис Александрович, кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 10-0-73101а/Ц.

входили: «крестьянская война» начала века (Смутное время), проявления народного недовольства в 1620-х гг. и «балашовщина» (движение в период Смоленской войны). Восстания после 1649 г. открыли новый этап в истории классовой борьбы.

Народные движения в России изучаются и зарубежными исследователями. Это, прежде всего, В. Кивельсон, М. Перри, П. Бушкович, Н. Колманн¹³. Например, Кивельсон рассматривала мятежи середины XVII в. как народное возмущение, вызванное несоответствием традиционного поведения монарха в России и ростом влияния на него ближних людей¹⁴. Перри отмечала «народный монархизм», присущий русскому обществу, влиявший на особенности взаимодействия власти и общества в России. Следует отметить также работу о народных волнениях в Козлове американского исследователя Б. Девиса¹⁵.

Наиболее интересным для изучения «городских восстаний» середины XVII в. является юг Российского государства – регион с повышенной социальной активностью (во многом благодаря своему геополитическому положению). Это территория современного Центрального Черноземья. Среди крупных городов выделялись Курск, Воронеж, Елец. Регион окончательно вошел в состав Российского государства только в конце XVI в., но и тогда еще в местных документах встречается фраза «поехать на Русь», что означало отправиться севернее, в район Средней Оки и далее¹⁶. Несмотря на умеренно-континентальный климат и черноземные почвы, полноценно заниматься земледелием здесь можно было только 4 месяца в году.

Социально-экономическая ситуация в городах юга России накануне волнений отражена в целом комплексе разнородных документов. Это материалы Разрядного приказа 1630–1640-х гг.: десяти, данные книг переписи 1646 г., сохранившиеся практически по всем городам. Ход волнений, социальный состав, участники и итоги мятежей зафиксированы в материалах Белгородского стола, где сохранились расспросные речи и сыскные дела, челобитные, а также переписка воевод с Разрядным приказом по поводу текущих событий. Ряд документов хранится среди комплекса материалов Белгородского стола 1647–1651 гг.; по некоторым городам документы о волнениях составляют отдельные дела.

Города юга России начинали свою историю как пограничные крепости, население которых составляли служилые люди по отчеству (дети боярские) и по прибору (стрельцы, городовые казаки и проч.). Свою нишу в социальной структуре занимали поместные казаки. Дети боярские и поместные казаки владели крупными земельными участками, размер которых обычно составлял 100–200 четвертей, хотя условный земельный надел мог быть и выше. Поместное землевладение основывалось на принципе обязательной службы.

В 1620-х гг. южные уезды активно заселяли помещики и крестьяне¹⁷. А.А. Новосельский зарегистрировал незаконное бегство на юг 546 крестьянских семей. Большинство из них были выходцами со средней Оки: из Орловского, Брянского, Волховского, Калужского и ряда других уездов. По подсчетам историка, в Курском уезде оставались 290 семей, в Елецком – 149, в Ливенском – 71 семья, всего 93% от общей численности бежавших. Остальные 36 семей разместились в Белгородском, Веневском, Оскольском, Лебедянском и Воронежском уездах¹⁸. Татарская опасность и стремление России ускоренно колонизировать степные пространства на юге привели к росту численности служилых людей, прежде всего детей боярских. При этом крестьянские дворы в южных уездах располагались неравномерно и были немногочисленны. Общее количество помещиков Елецкого уезда, явившихся на смотр в 1648 г., составило 1 805 человек, из них только 307 имели на своих землях крестьян¹⁹. Большинство же помещиков, 83%, были вынуждены обрабатывать землю собственными силами, т.е. являлись однодворцами.

Привязанность помещика к деревне, к хозяйству отрывала его от военной службы. Серьезный удар по помещикам, имевшим владения средних размеров, был нанесен в 1630-х гг. Большой урон хозяйству нанесли Смоленская война с Речью Посполитой и постоянные набеги крымских татар. Российское государство пыталось загородиться от

татарских ударов «живым щитом», основу которого составляли служилые люди южных уездов. На плечи местного населения государственная оборонительная политика ложилась тяжелым грузом. В числе обязанностей служилых людей были также строительство крепостей, укреплений, валов, летние и зимние службы (посылка по вестям, патрулирование степи и проч.), десятинная пашня, государственный оброк («на государев обиход»), сопровождение послов до Азова и обратно, сменная служба в пограничных крепостях, доставка хлеба и овса в пограничные остроги и крепости²⁰. Тяжелым бременем было струговое дело. Жители городов-крепостей должны были за свой счет нанимать плотников, делать струги, погружать на них выращенный хлеб, делать для него рогожные мешки, сопровождать его до места назначения. Все эти обязанности исполнялись одновременно с полковой, вестовой и городской службой. Почти все местные служилые люди несли тягло, выплачивая его государству в основном хлебом и незначительную часть деньгами²¹. Это увеличивало бремя тягла, поскольку хлеб надо было не только собрать, но и отвезти за несколько сотен верст в степные крепости, где с зерном было плохо из-за татарских набегов.

Однако несмотря ни на что количество новых городов росло, колонизация края продолжалась. Служилые люди строили укрепления, насильно переселялись в новые крепости и остроги. В 1646 г. жители Мценска делали земляной вал в Белгороде, а орловцы – в Карпове. Ельчане строили и заселяли город Коротояк, ливенцы – город Царев-Алексеев (Новый Оскол), участвовали в строительстве Коротояка и других крепостей²².

К середине XVII в. социальный состав местного населения отличался от старых замосковных городов. Смета русского войска, составленная в 1651 г., позволяет определить социальную обстановку, сложившуюся в регионе²³. Чем южнее располагался уезд, тем больше отличий он имел от центральных и замосковных уездов. Заметные отличия наблюдались уже в Новосиле, Черни и Епифани. Здесь не было выборных детей боярских, которые считались местной элитой, своеобразным низшим слоем государева двора. В Орле из 749 человек выборных было 4 человека. В Козлове располагалась довольно значительная группа детей боярских – 2 047 человек, поместных и сторожевых казаков было 210 человек, черкас – 68, драгун – 155 человек. Большинство местных детей боярских были переведены сюда недавно, во время заселения города и уезда.

Специфическая особенность местных землевладельцев – присутствие в их рядах черкас и поместных казаков. Например, в Курске детей боярских было 1 368 человек, кроме того, 26 беломестных (донских) казаков, 172 полковых и 17 черкас. В Воронеже число казаков, включая атаманов, составляло 163 человека, все они являлись помещиками (общее число детей боярских – 255 человек). Поместные казаки в южных уездах составляли часто до 40% от всех служилых землевладельцев. Своеобразие региона – в многочисленности уездных корпораций детей боярских. Однако в экономическом плане местные помещики были гораздо менее обеспеченными, чем помещики центра России. Лишь в Брянске и Орле существовало разделение детей боярских на выборных, дворовых и городских, в то время как в других городах дети боярские почти не отличались от поместных казаков. Наиболее сложная ситуация сложилась в Воронеже, Курске, Козлове, Белгороде²⁴.

Служилые люди по прибору были обязательным элементом социальной структуры южных городов. Число их было велико. В Курске размещались 156 стрельцов и 194 казака, в Белгороде – 152 стрельца и 162 казака. Примерно столько же городских казаков и стрельцов было в других городах. Правительство разрешало набирать на службу в качестве стрельцов и служилых казаков южных городов «тутошних людей, кто похочет: от отцов – дети, от братьев – братия, от дядь – племянники, и соседи, и пососедники, и всякие вольные люди»²⁵. Поэтому в служилые по прибору записывались представители различных слоев общества, часто беглые крестьяне и холопы, а также «гулящие люди».

Специфика мелкого служилого населения в регионе была весьма разнообразна. Так, в Белгороде служили 45 человек посадских людей с пищальми и 39 с рогатиной

ми²⁶. Служили посадские люди и в Курске²⁷. Службу в Брянске несли крестьяне местных слобод, вооруженные пищалями, а также ямщики с рогатинами²⁸. Некоторые города юга России представляли собой сугубо военные поселения, пограничные крепости, где нельзя было заниматься полноценной хозяйственной деятельностью (Белгород, Оскол, Валуйки). Это обстоятельство справедливо позволило М.Ю. Зенченко выделить их в отдельную группу из городов южного пограничья²⁹.

Недовольство местного населения сложившимся положением было велико, и это ставило в непростое положение представителя центральной власти – городского воеводу. Воевода нуждался в поддержке не только со стороны Москвы, он искал опору в уезде, так как знал, что выполняя свои обязанности, вызывает протест и недовольство у большинства местных жителей. При этом воевода, как правило, старался «выслужаться», он усиленно «радел о государевом деле», надеясь на повышение и продвижение по службе. Иногда в уезде находились люди, готовые помочь воеводе организовать «зимние и летние службы», обеспечить выполнение государственных повинностей, сбор хлеба и денег, ремонт крепости. За это они получали льготы и привилегии, и в 1630–1640-х гг. в уезде сложились так называемые правящие группы, которые занимали важные посты и ответственные должности. Однако «правлящие группы» возникли не во всех уездах, и поэтому их значение не стоит преувеличивать.

Итак, сложившаяся обстановка способствовала возникновению и развитию конфликта. Рассмотрим города юга России, где в 1646–1648 гг. произошли волнения.

Елец. В Ельце в начале 1640-гг. сложилась «правлящая группа». Ее члены принадлежали к различным слоям общества: 4 сына боярских, 2 рядовых священника, поместный казак и дьячок. Лидером елецкой группы был Дмитрий Снетин³⁰. Последний приехал в Елец в 1630-х гг.³¹ Он поначалу мало отличался от большинства своих сослуживцев, «на службе был» на коне с самопалом и саблей, его земельный оклад составил 250 четвертей. К 1646 г. Снетин стал выделяться среди своих соседей: на его земле проживали 19 крестьян и бобыль, а сам он получил чин дворового сына боярского³². Второй участник группы, Иван Иванович Перцев – представитель елецких помещиков, его предки приехали сюда еще в начале XVII столетия. Материальный достаток И. Перцева был средним. В 1630 г. он владел небольшим поместьем в 35 четвертей, а на его землях проживали трое крестьян³³. К 1640 г. его земельный оклад увеличился до 200 четвертей³⁴, он пользовался авторитетом у сослуживцев и доверием властей: Перцев составлял мерные записи для распределения пустошей³⁵. На его землях теперь проживали 8 крестьян, размер его поместья – 150 четвертей. Он также имел чин дворового³⁶. Третьим представителем елецкой «правлящей группы» был Василий Никитич Козлов, фигурирующий в документах как житель Курска. Он появился в Ельце в 1646 г., в 1648 г. был послан в Крым³⁷. Четвертый участник группы Михаил Третьякович Сухинин по десятне 1622 г. – сирота и недоросль 7 лет, за ним числилось поместье в 100 четвертей без крестьян. К 1640-м гг. на его земле жили уже трое крестьян³⁸. Поместный казак Степан Никитич Долгий в десятне 1648 г. значился служилым «новиком». Он имел поместье в 30 четвертей и 4 крестьян³⁹. Про других участников «правлящей группы» сказать что-либо сложно. Это два «вдовых попа» Трофим и Алексей и «казачий дьячок» Мартинов. Таким образом, представители елецкой «правлящей группы» с точки зрения государства были вполне благонадежными. В документах есть также упоминания о «советниках» «правлящей группы». Это около 10 человек местных детей боярских.

Членам «правлящей группы» воевода давал различные поручения, связанные с организацией службы: ремонт городских стен, сбор хлеба и его посылка в новые крепости Усерд, Корочу и Яблонов, изготовление рогожных мешков, сбор денег, поставка спиртного и продуктов к царскому двору и проч. Члены правящей группы были ответственны перед воеводой за выполнение служилыми и посадскими людьми всех этих многочисленных поручений, за что имели льготы и пользовались своим положением в личных интересах («для своей бездельной корысти»). Вероятно, для них был занижен

размер податей, они забирали себе часть кабацких сборов, лес, свезенный в город для ремонта стен.

К концу 1630-х гг. в среде горожан и жителей Елецкого уезда выросло недовольство местной властью и «правлящей группой». Лидером недовольных выступил сын боярский Василий Насонов. В 1640 г. Насонов и «товарищи» решили направить в Москву челобитную с жалобами на свое тяжелое положение. Елецкий воевода Федор Алябьев приказал стрельцам арестовать челобитчиков. Арестованные были посажены в тюрьму и «биты батогами нещадно»⁴⁰. Оппозиция местной власти была невелика и большой силы не имела, жители города не оказали поддержки арестованным.

В 1646 г. ельчане подали новую «заводную» челобитную. В ней говорилось, что они якобы всем городом и уездом, «поговорив промеж себя», решили «полюбовно» выбрать людей «для государева и для городского всякого дела». Далее прилагался список из 24 имен, а затем еще один список с 22 именами, который предваряли слова, что ельчане уже просили об этом и раньше царя, бояр и воевод, и «всяких начальных людей». Ельчане обещали «во всем их (выбранных детей боярских. – Д.Л.) слушать и не в чем не подавать, и протор в государеве деле и в челобитье не ставить... и на них не пенять». В документе определялись права и обязанности выбранной группы. Смысл этой челобитной, на мой взгляд, сводится к ограничению власти воевод и к попытке устранить «правлящую группу»⁴¹. После рассмотрения челобитной в Москве Д. Снетина и членов правящей группы было приказано отправить в Царев-Алексеев. Оттуда они написали челобитную, где изложили свою точку зрения на проходящие события⁴², согласно которой, они добросовестно выполняли «государеву службу» и вызвали зависть. Вскоре Снетина «со товарищи» было приказано вернуть в Елец. Противостояние продолжилось.

В июне 1647 г. группа недовольных снова появилась в городе. Здесь несколько человек собрались на совет в Новосильской башне⁴³. Среди них были Василий Насонов с детьми боярскими, 3 служилых казака и казачий дьячок Григорий Белозеров. Они читали челобитную на имя царя, которая, видимо, была написана заранее. Тогда же все собравшиеся клялись на кресте, что «от той челобитной им не отступаться». Однако не все челобитчики были единодушны. Дьячок Григорий Белозеров решил донести о челобитной казачьему и стрелецкому голове Ивану Буженинову. Голова сообщил воеводе Григорию Даниловичу Долгорукому, и тот велел арестовать челобитчиков и провести допрос. Это вызвало недовольство у некоторых казаков, потребовавших освободить Насонова «с товарищи»⁴⁴. Воевода это сделать отказался. Ответив ему «невежественными словами», казаки разошлись. Г. Белозеров донес на собравшихся, делая упор на то, что они целовали крест. В 1647 г. воевода отнесся к этому особенно внимательно. В 1645 г. царем стал молодой Алексей Михайлович, и по стране поползли слухи, что он не настоящий царь, власти боялись неповиновения. Поэтому слова дьячка о целовании креста в башне могли означать измену.

Результаты допроса челобитчиков показали, что измены царю они «не замыслили». Василий Насонов говорил, что единственное, чего они хотели, «бить челом о своих нуждах» государю, а также «вверяли промеж себя, чтоб заодно стоять и друг друга не выдать»⁴⁵. Г.Д. Долгорукий отослал результаты допросов, которые могли успокоить центральную власть, но в Разрядном приказе потребовали провести допрос всех жителей города по этому делу. На допросе мнения жителей города по поводу злоупотребления «правлящей группы» разделились. Большинство ссылалось на неосведомленность, другие считали, что «сельчане наносят на них во всем неправду». Однако подтвердили обвинения только несколько казаков и кузнецы. Единодушны ельчане были лишь в утверждении того, что «креста никому не целовали, а целовали только... Алексею Михайловичу» в 1645 г.⁴⁶ На этом «восстание» в Ельце закончилось.

В 1648 г. никаких серьезных выступлений в городе не было, хотя в этом году произошел конфликт воеводы А.В. Хрущева и сына боярского П. Пилюгина. Рассмотрим это дело. Некоторые дети боярские считали, что на смотре 1648 г. им была занижена статья и жалованье. Один из недовольных, Павел Пилюгин, открыто оскорбил Хру-

щева в съезде избу, считая его виновником занижения своей статьи⁴⁷. Хрущев приказал провести следствие. Следственная комиссия из числа дворян обвинения против воеводы не подтвердила; наказания Пилюгин не получил. Летом 1648 г. Хрущев поручил Пилюгину сопровождать переселенцев на Коротояк. Тот отказался. Тогда к нему были посланы приставы, которые убедили Пилюгина исполнить поручение, но, отправившись в Коротояк, он все равно уехал с полдороги к себе в поместье. Только после этого Пилюгин был арестован и бит батогами. Этот конфликт не может считаться восстанием, он никак не связан с тем, что происходило в Ельце ранее. Таким образом, большинство жителей Ельца смотрели на волнения в городе как на попытку обратить внимание царя и его окружения на тяжелое положение служилых людей. Слова «бунт» или «мятеж» в отношении участников волнений не употреблялись.

Воронеж⁴⁸. Воронежский уезд сильно страдал от ежегодных татарских набегов. Это обстоятельство тормозило его хозяйственное развитие. Татары, как правило, захватывали людей и скот, вытапывали зерновые культуры, поджигали и разрушали деревянные постройки. Большим бедствием для Воронежа стал набег 1647 г. К счастью, воронежский воевода Василий Тимофеевич Грязной сумел отбить татарский удар⁴⁹. Частые татарские набеги вынуждали правительство принимать дополнительные оборонительные меры. В 1647 г. воронежцы строили дубовые надолбы по берегу реки Воронеж на протяжении более 7 км, рыли рвы, сооружали укрепления. Обширное строительство велось за счет местного населения. Жители Воронежа понесли большие убытки и решили обратиться к царю с челобитной, в которой просили о льготах и смягчении налогового бремени. Вероятно, воевода Грязной не одобрил этой инициативы, но и не мешал отправке челобитной.

Кроме того, воронежцы решили собрать с горожан на общественные нужды 400 руб. Это вызвало недовольство полковых казаков⁵⁰. Казаки обвинили воеводу в бездействии и решили, что собранные деньги пойдут на личные нужды богатых воронежцев, прежде всего, представителей «правлящей группы». Во время очередного татарского набега полковые казаки отказались выезжать на защиту города и уезда. Тем самым они вызвали возмущение воеводы Грязного, который вообще не отличался гибкостью и тактичностью в управлении городом⁵¹.

Полковые казаки обосновали свой отказ от службы тяжелым материальным положением и составили челобитную, в которой просили выплатить им жалованье. Челобитную в Москву повез их сослуживец Герасим Кривушин. Перед своей поездкой в Москву Кривушин получил задание от представителей местного дворянства, недовольных воеводой. Воронежские дворяне Прокофий Шишкин и Богдан Конинский предложили казачьему посланнику вместо просьбы о жаловании просить сменить воеводу от имени всего города. За выполнение просьбы Кривушину обещали вознаграждение. В Москве Кривушин заявил, что приехал от всех воронежцев с жалобой на воеводу Грязного. Воронежский воевода, узнав о действиях Кривушина в Москве, послал письмо, где недоумевал по поводу обвинений казака. Действительно, никакой коллективной челобитной от воронежцев с жалобой на воеводу не было. В итоге Кривушин был посажен в Москве в тюрьму, однако волнения в Москве, вспыхнувшие в начале июня, способствовали его освобождению. Вернувшись в Воронеж (по дороге он отсидел 4 дня в елецкой тюрьме за рассказы о бунте в столице и убийстве представителей власти), Кривушин первым делом отправился к местным дворянам Шишкину и Конинскому⁵². Поручение посылавших его казаков Кривушин не выполнил, и те потребовали от него денег, собранных для поездки. Но денег у него не оказалось, и тогда он решил начать в городе «смуту», призывал грабить богатых воронежцев. Кривушин понимал, что воевода Грязной обязан поддерживать порядок, и потому призывы казака первым делом были обращены против воеводы. Кривушин начал рассказывать воронежцам, что привез царский указ, в котором говорится о смене воеводы. Указ якобы спрятан где-то в лесу⁵³.

Кривушин предлагал исполнить царский указ самим жителям: прогнать воеводу и его сторонников. По задумке казака, только в этом случае можно было безнаказанно

разорять богатые дворы жителей Воронежа. Кривушина поддержали дворяне Шишкин и Конинский, которые тоже были заинтересованы в смене воеводы. 25 июня на торгу Конинский затеял ссору со стрелецким головой Толмачевым, сторонником воеводы. Между делом он заявил, что Толмачева хотят убить первым. Толмачев истолковал это так, что вторым хотят убить воеводу. Зная о московских убийствах знати, воевода Грязной и голова Толмачев покинули город, чего и добивался Кривушин. В Воронеже начались погромы («смертное убийство и грабеж»)⁵⁴. Большинство жителей города решительно осудили начавшееся «восстание», которое вылилось в безнаказанный грабеж. 29 июня воевода вернулся в город. Состоялся сход жителей для выявления зачинщиков беспорядков. Доказать вину Шишкина и Конинского было сложно, хотя очевидно, что именно они стояли за действиями Кривушина. Грязной не посмел отдать приказ об их аресте, так как прямых свидетельств против них не было.

Как видим, воронежские события были связаны с недовольством местного дворянства воеводой и его окружением. Двое представителей местного дворянства использовали в своих интересах тяжелое положение, сложившееся в городе из-за татарских набегов и тягот службы. Зачинщик волнений полковой казак Кривушин меньше всего напоминает «борца за справедливость» или «героя из народа». Это был человек авантюристского склада, низких моральных качеств, искавший свою материальную выгоду. Вот какую характеристику дал Кривушину историк В.Н. Глазьев: «Кривушин был смелый, склонный к игре «ва-банк» человек, но мотивы его действий оказались вполне прозаичны»⁵⁵. Показательно, что большинство жителей города поддержали воеводу и в волнениях не участвовали. Когда события в Воронеже называются «восстанием», то под этим термином стоит понимать «смуту, разбой и грабеж», сведение личных счетов, желание обогатиться. Именно так оценивали «восстание» очевидцы.

Козлов. Народные волнения в городе Козлове привлекали внимание историков чаще, чем в остальных городах. Положение населения здесь было одним из самых тяжелых в регионе. Город был основан в 1637 г., его жители – мелкие служилые люди, которые переселялись сюда по распоряжению правительства. В 1647 г. козловцы составили челобитную, в которой жаловались на злоупотребления стрелецкого головы Михаила Останина и двух священников. Недовольство рядовых козловцев вызывали их более предприимчивые соседи, занимавшиеся торговлей и административными делами⁵⁶. Местный воевода Роман Боборыкин был непопулярен среди населения. Проводивший сыск по челобитной князь Лобанов-Ростовский вскоре убедился, что мнение жителей по поводу злоупотреблений неоднозначно. Тем не менее по итогам сыска воевода Боборыкин был оштрафован на 50 руб., а Останин бит кнутом⁵⁷. Открытое недовольство большинства козловцев на этом закончилось.

В Козлове образовалась оппозиционная группа, в которую вошли сын боярский Ю. Толмачев (лидер группы), стрельцы О.К. Дружинин, Н.А. Невезнев, полковые казаки С.М. Кобузов, В.Я. Баранников⁵⁸. Они решили подать в Москву челобитную, в которой жаловались на свое тяжелое материальное положение и просили выплатить жалованье полковым казакам и части стрельцов⁵⁹. Отвезти челобитную в Москву было поручено полковым казакам во главе с Кобузовым. Челобитчики находились в Москве в начале июня 1648 г. во время московского бунта, в ходе которого были убиты представители власти. Легкость и безнаказанность, с которой действовали москвичи, произвели большое впечатление на козловских казаков, и, вернувшись в Козлов, они решили улучшить свое материальное положение за счет грабежа богатых соседей. Воевода Боборыкин покинул город с отрядом драгун и детей боярских. Вероятно, узнав о событиях в Москве, он испугался физической расправы со стороны группы Толмачева. Воспользовавшись отъездом воеводы, Толмачев и его сторонники начали «во всех людях смуту и мятеж, и ослонный бой». Оказывавших сопротивление казаки избивали ослопами, стараясь не убить. Никаких требований бунтовщики не выдвигали. Их главная цель была очевидна: «поднять смуту» и начать грабеж.

Один из местных детей боярских вспоминал в своей челобитной, «как было в городе Козлове смутное время, многих людей били, и дворы и лавки грабили... да ра-

зоряли и всякий живот наш (имущество. – *Д.Л.*) и товары пограбили без отстатку»⁶⁰. Ни о каких политических или экономических призывах следственные материалы не упоминают. Показательно описал мятеж в Козлове священнослужитель Яков: «156 [1648] году июня в 11 день умысля тот Юшка (Юрий Толмачев. – *Д.Л.*) с товарищи своими воровски, в Козлове у многих людей дворы и лавки с товары грабили, и торговых и всяких многих людей побивали и метали в ров; и того ж числа тот Юшка Толмачев с заговорщиками своими... замки сбили и двери выбили и из той лавки... всякую рухлядь (имущество. – *Д.Л.*) пограбили»⁶¹. Все опрошенные лица сообщили, что казаки грабили «многих людей». Речь не шла о богатых и знатных лицах, что ставит под сомнение классовую сущность мятежа. К грабежам группы Толмачева присоединились и местные пушкари. Они избili двух своих сослуживцев, ограбили их дома. На очной ставке во время разбирательства по этому делу пушкари грабеж отрицали, но в избиении сразу сознались⁶². Мятеж в Козлове продолжался всего 1 день, все остальное время грабители прятали имущество и укрывались сами. Очевидно, что большинство людей были недовольны мятежом, поскольку он оказался по сути открытым грабежом без различий социального происхождения и имущественного положения. Фраза «Юшка Толмачев с заговорщиками своими» указывает, на то, что действия группы Толмачева были спланированы заранее, а не являлись проявлением стихийного недовольства.

Тем временем воевода Боборыкин, узнав о происходящем в Козлове, решил не спешить с наведением порядка. Вместо того чтобы отправиться в Козлов, Боборыкин выехал в Рязьк к новому воеводе Волынскому, направляющемуся к нему на смену. Действия воеводы объяснимы: понимая, что вина за грабежи ляжет на него, он решил воспользоваться тем, что срок его воеводства в Козлове подошел к концу. Боборыкин хотел показать, что волнения случились уже не в его воеводство, или, во всяком случае, в его отсутствие. На этой почве между Волынским и Боборыкиным произошел конфликт⁶³. К приезду в город нового воеводы мятеж прекратился. Вскоре в Москву посыпались жалобы жителей города, пострадавших от грабежей.

Воевода Боборыкин вызывал недовольство, в первую очередь, своими активными действиями по привлечению местного населения к выполнению разного рода повинностей. В своей отписке он указывал на то, что не успел в сроки выполнить царский указ о строительстве укреплений. В этом, по словам воеводы, виноваты жители города: «А козловцы, государь, всяких чинов люди, делали негораздо». Многие отказывались строить вал и укрепления. Недовольство козловцев воеводой было связано с тяжелыми условиями службы. Боборыкин в своей отписке так определял причины бунта в Козлове против него и его сторонников: «За то, что я, холоп твой, и те дети боярские тебе, государю, служили и во всем многую прибыль учинили»⁶⁴. В Козлове, как и в других городах региона, находились дворы представителей столичной знати – бояр Никиты Ивановича Романова и князя Алексея Никитича Трубецкого. Никто из людей знатных особ в ходе мятежа не пострадал, не пострадали и дворы «сильных людей».

Курск. События в Курске в советской историографии описывались как «крестьянское восстание». Тяжелое материальное положение заставляло многих местных стрельцов и казаков бросать военную службу и идти в крестьяне к местным землевладельцам. Однако по указу правительства бывших стрельцов и казаков надлежало возвращать обратно в службу. Особенно важен этот указ был для местного стрелецкого головы Константина Теглева. Он был настроен очень решительно, поскольку многие его бывшие подчиненные бежали в крестьяне.

Многие крестьяне из числа бывших стрельцов жили на землях курского Троицкого девичьего монастыря. Игуменья монастыря Феодосия, желая сохранить своих крестьян, в июне 1648 г. с группой приверженцев отправилась в Москву. Им удалось получить грамоту, по которой сыск беглых стрельцов передавался в компетенцию местного воеводы Федора Лодыженского. Более того, для подтверждения крепости на крестьян достаточно было иметь на них грамоты⁶⁵. Указ был прочитан 4 июля в курской съезжей избе в присутствии воеводы, стрелецкого головы, представителей духовенства, возле избы собрались монастырские крестьяне. Стрелецкий голова Теглев, прослушав

указ, пришел в ярость. Он начал ругаться с протопопом Григорием, которого считал инициатором поездки игумении в Москву. «Переперхнешься ты и будешь без скуфьи!» – кричал он на Григория. Протопоп отвечал: «Ты меня сделаешь без скуфьи, а я тебя без головы»⁶⁶. Протопопа поддерживали крестьяне, бежавшие от стрелецкой службы. Узнав, что Теглев собирается ехать в Москву за новой грамотой, по которой им грозит возвращение в службу, крестьяне решили действовать немедленно. Они выбили бревном дверь в съезжей избе и убили Теглева. Как выяснилось позже, к этому их подстрекали игуменья и протопоп Григорий. Игуменья, побывавшая в столице во время июньского бунта, рассказала крестьянам о легкости, с которой можно расправиться с представителями власти. «На Москве и лучше его убили», – говорил участник поездки в Москву Воденицын. После убийства стрелецкого головы крестьяне кинулись грабить его двор. Воевода Лодыженский тщетно пытался утихомирить крестьян.

Пользуясь безнаказанностью, крестьяне начали грабить дворы жителей Курска, затем отправились в кабаки, которые были закрыты по распоряжению воеводы, но это не остановило мятежников, «восставшие» начали устраивать драки между собой. Когда пыл бунтовщиков утих, Лодыженский велел арестовать некоторых участников грабежей и драк. Большинство жителей Курска, посадские и служилые люди, осуждали грабительские действия крестьян, пострадавшие требовали возмещения ущерба.

Ливны. События в Ливнах иногда также интерпретируются как восстание. Ливны мало отличались от соседних городов по экономическому положению и социальному составу. Интересно, что по официальным источникам в 1645 г., узнав о смерти царя, ливенцы «все люди плакали, а как прослышали, что Бог дал на государство государя Алексея Михайловича, все обрадовались»⁶⁷.

В 1647–1648 гг. воеводой в Ливнах был Федор Абросимович Лодыженский, представитель старинного рода. Однако большого авторитета он не имел. За неудачный местнический спор Лодыженскому пришлось сидеть в ливенской тюрьме⁶⁸. 3 сентября 1648 г. в ливенскую воеводскую избу пришел сын боярский Прокофий Руднев, который заявил воеводе, что события в Москве и волнения в городах изменили политическую ситуацию в стране. Обругав воеводу, он заключил: «И ныне власть ваша закончилась!». Воевода велел арестовать Руднева, но тот вышел на улицу и стал кричать: «Суда ливенцы не дайте!». Но ливенцы, собравшиеся на улице, за Руднева заступаться не спешили, и он был арестован. Сразу после этого к воеводе пришел товарищ Руднева, сын боярский Сидор Зубцов. Он «с большим невежеством» стал заступаться за арестованного и даже грозил воеводе расправой при многих свидетелях. Зубцов был посажен в тюрьму. Воевода всерьез испугался, «чтоб лихацев и какое дурно не учинилось»⁶⁹.

О случившихся событиях Лодыженский подробно описал в Москву. В столице к сообщениям о событиях в Ливнах отнеслись с большой настороженностью. Воеводе было велено разузнать обстановку в городе и настроения среди местного населения и выяснить, «сам ли он (Руднев. – Д.Л.) себе приходил или прислали ливенцы городом». Вскоре выяснилось, что население Ливен лояльно к власти и не поддерживает Руднева и Зубцова. Следственное дело было начато по поводу оскорбления воеводы, а не по причине бунта. Вели дело окольный князь Дмитрий Петрович Львов и дьяк Анисим Трофимов. Они прибыли в Ливны сразу после случившегося инцидента. Руднев и Зубцов были допрошены «порознь», опрошены были также свидетели оскорбления воеводы⁷⁰. В итоге Руднев и Зубцов были биты кнутом и отпущены. Таким образом, недовольство ливенцев местной властью и тяжелыми условиями службы не приняло форму бунта и восстания. В 1649 г. в Ливнах случился конфликт во время выборов кабацкого и таможенного головы⁷¹. Этот случай не имел отношения к мятежам или бунтам и являлся обычным явлением русской провинциальной жизни.

Новосиль. 30 июня 1648 г. новосильский ямщик Василий Бочок, придя к стрелецкому и казачьему голове, поинтересовался: правда ли по государеву указу в городах приказных людей надо бить камнями? Вероятно, он что-то слышал о событиях в

столице. Никакого наказания он не получил и был отпущен, однако спустя месяц его отыскивали и били кнутом⁷².

Талецкий острог. На востоке Елецкого уезда служилые люди, узнав о том, что их переселяют в Коротояк после окончания жатвы, выказывали свое недовольство воеводе Красникову. Воевода велел бить 4 «заводчиков» ослопом. Несколько человек бежали со службы⁷³. Никаких антиправительственных выступлений, разбоев и грабежей не происходило.

Кроме Воронежа, Ельца, Козлова и Курска (Ливны, Новосиль и Талецкий острог в список «мятежных» городов вносить необъективно) волнения на юге больше нигде зафиксированы не были. В целом в регионе в середине XVII в. было 50 городов, и говорить о том, что юг России активно участвовал в волнениях, на мой взгляд, неуместно. Волнения в Курске и Ельце не отличались, по сути, от подобного рода явлений в другие годы. Например, в конце XVII в. в Ельце произошел конфликт между воеводой Н.Р. Городецким и местным губным старостой Р. Дяттеревым. В городе образовались 2 противоборствующие группы⁷⁴. После долгого спора, взаимных обвинений и рукоприкладства воевода Городецкий дело проиграл, спор сопровождался драками, стрельбой и разбоем⁷⁵. В Данковском уезде в 1692 г. местные однодворцы отказались выплачивать хлебные подати. Они дважды избивали цепами и палками посылаемых к ним служилых людей воеводы⁷⁶. В 1657–1659 гг. группа воронежских служилых людей боролась с местным воеводой И. Кушелевым. Его обвиняли в многочисленных злоупотреблениях «для своей корысти». Дело дошло до открытого столкновения сторонников воеводы с группой недовольных⁷⁷. Список конфликтов местного уровня, сопровождавшихся драками и грабежом, можно продолжить. Отличие бунтов середины XVII в. от других подобных явлений эпохи заключалось во влиянии московских событий, которые вдохновляли уездную оппозицию на открытые столкновения с местной властью.

В большинстве же уездов тяжелое положение, которое сложилось в регионе, не вызвало открытых антиправительственных выступлений. Служилые люди демонстрировали недовольство игнорированием службы, а также жалобами друг на друга и на злоупотребления властей. Так, помещики Затруцкого стана Ливенского уезда отказывались ездить на конную службу (на сторожи для патрулирования степи и на посылки в соседние города). Они также прятали хлеб, который были обязаны отдавать в государеву житницу для отправки в пограничные города⁷⁸. Елецкие дети боярские в 1649 г. игнорировали просьбы и требования воеводы А. Хрущева по службе. Воевода А. Бутурлин, приехав в Елец на смену Хрущеву, решил провести смотр елецких помещиков, чтобы выяснить «кто на чем на государевой службе будет». Но на его приказы явиться в Елец «тотчас» никто не поехал⁷⁹. В рассмотренных городах недовольство воеводами напрямую было связано с их активностью на посту, заботой о «государевом деле». Именно эта активность ложилась на плечи служилых людей тяжелым бременем, от которого они хотели избавиться. Возникало недовольство местной властью, которое выливалось в открытые мятежи.

Участники восстаний не имели четких требований и программ. Цель их сводилась к запугиванию местной власти, грабежу и разбою, которые служили своеобразной формой социального протеста. Очевидная цель восставших – личное обогащение, решение своих проблем за счет грабежа соседей, сведение личных счетов. Местное общество требовало от центральной власти, прежде всего от царя, наведения порядка, «тишины», возмещения убытков, отстранения от власти «сильных людей».

Таким образом, борьба различных группировок за влияние негативно сказывалась на общественном порядке, наиболее ярким следствием этого стали погромы и разбой в столице и некоторых уездных городах. В качестве традиционной меры для наведения порядка и стабильности правительство пошло на созыв Собора, следующим шагом стало создание нового свода законов – Соборного Уложения 1649 г. С этого момента политика государства в отношении южнорусской провинции стала более гибкой. В наказе воронежскому воеводе В. Еропкину 1649 г. говорилось: «Людам обид, и насильств, и никаких налог не делать, и воронежским всяким служилым и жилецким лю-

дям на себя изделья всякого делать не велеть»⁸⁰. В другом наказе от 11 декабря 1651 г. к воронежскому воеводе кн. В.П. Кропоткину звучало требование держать «ласку и привет добрый и расправу меж ими делать по нашему указу и по Соборному Уложению, в правду». За различные притеснения воронежцам, «посулы и поминки», неправедный суд воеводе грозила «великая» опала и наказание («велим на тебе доправить все сполна») ⁸¹.

Народные волнения в южнорусских городах были реакцией на борьбу различных придворных группировок за власть в первые годы правления Алексея Михайловича, при этом они способствовали формированию абсолютистских тенденций царской власти. На материалах южнорусских уездов мы видим, что местное общество не оставалось безучастным свидетелем негативных проявлений в различных эшелонах власти, поскольку прошедшая в России Смута «впервые поставила на повестку дня идею взаимной ответственности друг перед другом народа и государства»⁸².

Примечания

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 10. Кн. 5. М., 2001; Зерцалов А.Н. К истории мятежа 1648 г. в Москве и других городах // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1896. Кн. 1; Латкин В.Н. Лекции по истории русского права. СПб., 1912. С. 100–104.

² Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 225–226.

³ См.: Бахрушин С.В. Послесловие // Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 2. М.; Л. 1947. С. 486.

⁴ Там же.

⁵ Тихомиров М.Н. Псковский мятеж XVII в. Из истории борьбы общественных классов в России // Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России. XVII в. М., 1969. С. 352–396.

⁶ Тхоржевский С.И. Народные волнения при первых Романовых. М., 1924.

⁷ Тихомиров М.Н. Содержание «Сборника материалов по истории классовой борьбы на юге русского государства в первой половине XVII в.» // Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России... С. 398–406. Сборник опубликован не был.

⁸ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961; Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России в XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966; Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975.

⁹ Новицкий Г.А. Восстание в Курске в 1648 г. // Историк-марксист. Кн. 6. М., 1934.

¹⁰ Базилевич К.В. Предисловие // Городские восстания в Московском государстве XVII в.: Сборник документов. М., 1936.

¹¹ Смирнов П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 160–161, 763.

¹² Там же. С. 481–489.

¹³ Kivelson A.V. The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // American Historical Review. 1991. Vol. 98, № 3, Jun. P. 733–756; Perry M. Pretenders and popular monarchism in early modern Russia. Cambridge, 1995; Пеппи М. В чем состояла «измена» жертв народных восстаний XVII в.? // Россия XV–XVIII столетий: Сборник научных статей к 70-летию Р.Г. Скрынникова. Волгоград, 2001. С. 207–220; *ее же*. Народные мнения и слухи о царе (1630–1650 гг.) // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия): Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина. М., 2005. С. 22–24; Колманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. М.; 2001; Bushkovitch P. The Formation of a National Consciousness in Early Modern Russia // Harvard Ukrainian Studies. 1986. № 10. P. 355–376.

¹⁴ Kivelson A.V. Op. cit. P. 756.

¹⁵ Davies L.B. State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649. N.Y., 2004.

¹⁶ РГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 1, д. 1 (1592 г.), л. 95.

¹⁷ Там же, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 19, д. 9, ч. 1–2, л. 1–195.

- ¹⁸ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л. 1948. С. 297–299.
- ¹⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 4, 1648 г., д. 88, л. 1–320.
- ²⁰ Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894. С. 109–110.
- ²¹ Мацук М.А. Фискальная политика Русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век). Сыктывкар, 2007, С. 163.
- ²² РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 327, л. 197.
- ²³ Там же, л. 1–270.
- ²⁴ Для сравнения приведу данные по другим городам России. Так во Владимире количество выборных детей боярских в 1651 г. составило 88 человек, дворовых и городовых – 163. При этом дворовые и городовые не разделялись, что указывает на отсутствие сильной социально-экономической дифференциации в их среде. Интересно, что численное превосходство детей боярских над выборными было невелико. С новиками и недорослями общее число детей боярских во Владимире составляло 336 человек, из них примерно 25% были выборными. В Суздале ситуация была схожей: из 359 детей боярских 101 человек значился в выборных. В Муроме было 40 выборных из 180 детей боярских.
- ²⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 327, л. 66–67.
- ²⁶ Там же, л. 162.
- ²⁷ Там же, л. 193 об.
- ²⁸ Там же, л. 222.
- ²⁹ Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008. С. 196.
- ³⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 229, л. 1–210.
- ³¹ Там же, д. 122, л. 11.
- ³² Там же, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, д. 135, л. 276 об.; ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 8.
- ³³ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 133, л. 621 об.
- ³⁴ Там же, ф. 210, оп. 1, д. 122, л. 11.
- ³⁵ Котков С.И., Коткова Н.С. Памятники южного великорусского наречия: Отказные книги. М., 1977. С. 43, 86, 87, 101, 114.
- ³⁶ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 135, л. 117 об.; ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 9.
- ³⁷ Там же, ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 290.
- ³⁸ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 133, л. 99; ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 140.
- ³⁹ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 133, л. 1324 об.; ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 279 об.
- ⁴⁰ Там же, ф. 210, оп. 1, д. 275, л. 3.
- ⁴¹ Там же, л. 175–178.
- ⁴² Там же, л. 188.
- ⁴³ Там же, л. 199.
- ⁴⁴ Там же, л. 200.
- ⁴⁵ Там же, л. 206.
- ⁴⁶ Там же, л. 210.
- ⁴⁷ Там же, л. 214.
- ⁴⁸ Там же, д. 284.
- ⁴⁹ Глазьев В.Н. Воронежские воеводы в XVI–XVII вв. Воронеж, 2008. С. 100.
- ⁵⁰ Там же. С. 101.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 60, л. 41.
- ⁵³ Там же, л. 40–41, 303.
- ⁵⁴ Там же, д. 167, л. 58–59.
- ⁵⁵ Глазьев В.Н. Указ. соч. С. 102.
- ⁵⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 570, л. 307–309.
- ⁵⁷ Там же, л. 375–376.
- ⁵⁸ Там же, д. 176, л. 38–39.
- ⁵⁹ Там же, д. 284, л. 204–208.
- ⁶⁰ Городские восстания... С. 104.
- ⁶¹ Там же. С. 106.
- ⁶² Там же. С. 108.
- ⁶³ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 131, л. 422.
- ⁶⁴ Городские восстания... С. 119.

- ⁶⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 269, л. 569.
- ⁶⁶ Городские восстания... С. 111.
- ⁶⁷ Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2006. С. 64.
- ⁶⁸ Пясецкий Г. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел, 1999. С. 122.
- ⁶⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 327; л. 36–38.
- ⁷⁰ Там же. л. 39–40.
- ⁷¹ Там же, д. 275, л. 326–328.
- ⁷² Там же, д. 268, л. 473.
- ⁷³ Там же, д. 567, л. 505.
- ⁷⁴ РГАДА, 1191, л. 53–120 об.
- ⁷⁵ Там же, л. 94, 116, 117. См. также: Ляпин Д.А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII веках. Елец, 2008. С. 193–200.
- ⁷⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 1837, л. 178–185.
- ⁷⁷ Там же, оп. 12, д. 478, л. 20–24.
- ⁷⁸ Там же, д. 327, л. 43.
- ⁷⁹ Там же, л. 462. Списков с десятины 1648 г. в Ельце не оказалось.
- ⁸⁰ РГАДА, ф. 210, Оп. 12, д. 1908, л. 33.
- ⁸¹ Там же, д. 333, л. 114–115 об. Ср.: Там же, д. 606, л. 34–35.
- ⁸² Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М. Россия после Смуты – время выбора // Отечественная история. 2008. № 5. С. 49.

© 2010 г. А. Ю. МИНАКОВ *

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ первой трети XIX века

Несмотря на очевидный и увеличивающийся с каждым годом рост интереса к истории русского консерватизма, подогреваемый политической конъюнктурой (на съезде в ноябре 2009 г. партия «Единая Россия» заявила о приверженности консервативной идеологии), экономические воззрения русских консерваторов первой трети XIX в. (Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, Ф.В. Ростопчина, С.Н. Глинки, А.С. Стурдзы, С.С. Уварова и др.) должным образом еще не исследованы. В то время русский консерватизм еще только начинал складываться в некую относительно стройную систему взглядов, и исследователь данной темы вынужден анализировать отдельные мнения, гораздо реже – публицистические статьи, заметки и проекты мыслителей, чьи убеждения можно классифицировать как консервативные. Сами они, как правило, не старались систематизировать свои идеи и зачастую не подозревали о существовании аналогичных подходов у других «консерваторов». Поэтому говорить о наличии некой целостной консервативной экономической доктрины в указанный период можно лишь с известной долей условности. К тому же русские консерваторы тех лет явно не считали экономические проблемы приоритетными (что является характерной особенностью большинства направлений русской консервативной мысли). Гораздо больше внимания они уделяли борьбе с галломанией, формированию программы «народного воспитания», осмыслению значения и роли самодержавия, отстаиванию интересов православной Церкви, борьбе с западноевропейским мистицизмом и масонством, политике в отношении цензуры и просвещения и т.д.

* **Минаков Аркадий Юрьевич**, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Воронежского государственного университета.